

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
ДО 1917 года — ЛАБОРАТОРИЯ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ
И
РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

MAISON DES SCIENCES DE L'HOMME

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
ДО 1917 ГОДА — ЛАБОРАТОРИЯ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ
И РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

В библиотеку
Дома Алексея
Спасского
нашему
в том Доме.
Алексеев

18.09.1997.

Европейский Дом

Санкт-Петербург

1997

2000-863/3

Т.А. Богданова

В.И. Засулич о «европейском вероятном пути политического освобождения» России: Мечты и реальность

Вера Ивановна Засулич (1849—1919) прожила в революции долгую и сложную жизнь, считая себя социалисткой с 17 лет. В 1913 г., наблюдая развитие революционного движения в России, сознавая долю своей причастности и ответственности, она скажет о себе: «Сама же и причина, если не виновата», — и признает, что социал-демократическое движение не оправдало прогнозов, сделанных в 1880—1890 годы.¹ Острота переживания событий, свидетелем которых она стала в конце жизни, мучительные сомнения и прозрения приводили ее, как и в молодости, к мыслям о самоубийстве. «Все непоправимо, кончено, все пропало», — напишет она сестре незадолго до смерти. Ее последняя, незаконченная статья начинается словами: «России, которую я знала и любила, нет больше на свете».²

Литературное наследие Веры Засулич составило около 70 работ, в том числе статьи, рецензии, книги о Руссо, Вольтере, Очерки по истории I Интернационала. Подавляющая часть их была написана и опубликована в эмиграции, а затем вошла в двухтомное собрание сочинений, изданное в 1906—1907 гг. в Петербурге. Влияние этих работ многократно усиливалось благодаря ореолу героини, существовавшему вокруг имени Веры Засулич, и большому революционному импульсу, заложенному в них.

Засулич не была теоретиком. Она обладала глубокой интуицией, заметив однажды, что «никогда не пробовала думать отдельно умом и отдельно сердцем».³ Признавая, что у нее не

логический ум, она психологизировала идейную и политическую борьбу, вводила в нее личность.⁴

«Европейский вероятный путь политического освобождения» — выражение В.И. Засулич, употребленное в одной из статей начала 1890-х годов.⁵ Обращаясь к немецкому читателю, Засулич констатировала, что Россия стала «европейской страной», а лучшая часть городских рабочих «сознательно идет навстречу европейской мысли, европейскому знанию».⁶ Ввиду этого для России вероятным является только «европейский путь к свободе», а отнюдь не самобытные («небывалые и невероятные») пути, приверженцем которых продолжает оставаться подавляющая часть интеллигенции, замедляя тем самым «продвижение страны вперед».⁷ «Европейский путь» подразумевал революцию, где главную роль сыграет рабочий класс, разбуженный идеями социализма, которые заносит в его среду интеллигенция. Положение это разрабатывалось в большинстве ее работ, начиная с первой, вышедшей в 1884 г.

Однако сами понятия «Запад», «Россия», «революция», первоначально для нее довольно абстрактные, с годами заменялись на более реальные. Это сказалось на переосмыслении роли Запада и самой вероятности «европейского пути» (его отдаления, растяжения во времени). В кругу понятий «интеллигенция», «рабочий класс», «социал-демократия» взгляды Засулич также изменялись. Столкнувшись с реалиями русской жизни после возвращения в Россию, она едва не рассталась с самой идеей революции — главной мечтой всей жизни, мечтой, которая родилась в годы юности.

Засулич вышла из мира русской провинции, из дворянского гнезда, где воспитывалась на положении бедной родственницы. С трех лет росла в чужой семье, в имении Бяколово, принадлежавшем ее двоюродным теткам. С детства ей внушали мысль, что она чужая, никому не нужна.⁸ Засулич формировалась как личность в «эпоху великих реформ», в атмосфере ломки традиционных представлений, в том числе религиозных, бунта против старой житейской мудрости, в атмосфере поисков новой нравственности. Потребность самоутверждения вдохновляла ее на поиски «дела».

«Радикализм» Засулич питался несколькими источниками: христианские идеи и ценности, воспринятые и глубоко пережитые в детстве; феминистские настроения, ярко проявив-

шиеся в обществе в 60-е годы XIX в.; гуманистические и свободолобивые идеи русской литературы, в особенности демократической. До 15 лет Засулич была верующей. В 1909 г. она сделала очень важное признание: «Это не страх был, а горячая любовь, благоговение... Молиться Христу ни за что бы не стала. Приставать к Нему с моими жалобами! Не Его заступничества просить мне хотелось, а служить Ему, спасти Его... А то единственное в религии, что врезалось в мое сердце, — Христос — с Ним я не расставалась: наоборот, как будто связывалась теснее прежнего... Есть времена, есть целые века, когда ничто не может быть прекраснее, желаннее тернового венца. Он-то и влек к этому “стану погибающих”, вызывал к нему горячую любовь. И несомненно, что эта любовь была сходна с той, которая являлась у меня к Христу, когда я первый раз прочла Евангелие. Я не изменила ему: Он самый лучший, Он и они (революционеры. — Т.Б.) достаточно хороши, чтобы заслужить терновый венец, и я найду их и постараюсь на что-нибудь пригодиться в их борьбе».⁹ Таков самый первый слой, легший в основу ее идеала революции, и тот невидимый, сокрытый от всех уровень переживаемый ею драмы. Служение трансформировалось, приобретая внешние земные черты (общее дело, братство, солидарность, равенство и т.п.), но в основе оставалась неизменной любовь к «терновому венцу», сострадание к ближнему своему, порыв к духовному союзу, единству. Именно поэтому идея революции связывалась прежде всего с духовным освобождением, преображением человека и человечества и аккумулировала в себе громадную энергию, силу выживания (и убедительности). Перетекая из мечты в реальность и обратно, она питала личность Засулич, поддерживая ее на грани веры и неверия, насилия и самопожертвования, на грани жизни в буквальном смысле слова.¹⁰ Засулич постоянно ощущала и с годами все более ясно осознавала напряжение, существовавшее между полюсами этого служения (свобода и ценность личности и благо революции). Она словно искала возможности выйти из круга, по которому водил «бесполитики», мучивший ее, по собственному ее признанию, всю жизнь.¹¹ В драме ее жизни эта тема являлась центральной, постоянно провоцируя неизбежность конфликта мечты и реальности.

При всей своей яркой «индивидуальности» Засулич

принадлежала своему времени и поколению, которое было словно запрограммировано, ориентировано на социальную революцию предшествующей историей русского общественного развития. В обществе вырабатывался определенный тип личности — революционера-социалиста (утописта), для которого были характерны некоторый отлет от настоящего, конфронтационный стиль мышления и поведения.

С годами изменился круг чтения В.И.Засулич. На смену Евангелию пришли статьи Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева. Последний стал ее кумиром. По мнению Засулич, Писарев являлся наиболее «полным представителем» молодежи, в особенности провинциальной, в которой пробуждал стремление учиться во что бы то ни стало, чтобы стать «мыслящими людьми» и «тотчас же приняться будить то же стремление во всех окружающих».¹² Засулич сохраняла всю жизнь состояние «одушевленного самообразования», как и представление о высокой просветительской миссии интеллигенции. Вера в науку, осознание долга интеллигенции перед трудящимся большинством вошли в ее сознание и придали новые черты идеалу революции. Суть «революционного духа» молодежи 70-х годов Засулич видела в «жажде деятельности для осуществления общих целей».¹³

Подчеркивая этическое происхождение народнических идей, Засулич писала в своем первом марксистском выступлении (1884 г.): «Мы знали, что справедливо, что революционно, но не что возможно и целесообразно».¹⁴ Указывая на возможное, целесообразное, марксизм одновременно уводил революционное движение за пределы этики, а тем самым и личности (нравственной личной ответственности). Кроме того, он создал совершенно иную психологическую установку: не на гибель, страдание и радость самопожертвования, а на торжество и неизбежность победы. Энтузиазм в поисках истины вытеснялся энтузиазмом стремления к победе. Такая переориентация имела трагические последствия для освободительного движения в России, одной из целей которого являлась именно свобода личности. Сама Засулич внесла в марксизм чуждый ему «нравственный идеализм» и в такой своеобразной интерпретации пыталась привить идеи Маркса на русской почве. Можно лишь предполагать, насколько осознанным являлось подобное стремление. Самое яркое свое воплощение оно нашло в статье

«Элементы идеализма в социализме» (1902 г.), в которой Засулич, полемизируя с Бердяевым, сравнивала социализм с нравственным отечеством пролетариата.

По ее мнению, рабочий класс являлся революционной силой не только благодаря своему экономическому положению — это единственный класс, самой жизнью подготовленный к условиям социалистического строя «психически». ¹⁵ В пролетариате она видела доказательство того, что индивид, лишенный собственности и потому избавленный от перспективы «личного обогащения» и забот о «личном существовании», одновременно лишен и «личного будущего». Его суть полностью принадлежит классу, он открыт для восприятия высших, более общих — духовных интересов, ориентирован на достижение «общей цели», в противоположность буржуазии, ущербность которой Засулич видела в разъединении, индивидуализме и полной невозможности иметь «общую цель». ¹⁶ (Понятие «общего» было очень емким, оно отождествлялось с истиной, благом, по сути приобретало некий сакральный смысл, в противоположность индивидуализму как состоянию своего рода греховности). В отношении к будущему, к «общему» — своеобразное духовное родство Засулич с пролетариатом. По ее мнению, именно социал-демократизм был единственной теорией, дающей «идейную основу борьбе за будущее» и потому единственно подлинно революционной теорией. ¹⁷

Обращение к марксизму отвечало ее потребности в освобождении всего человечества. С точки зрения Засулич, учение Маркса, подобно христианству, являлось мировым универсальным учением, создавая иную духовную основу взамен устаревшей и утраченной. Кроме того, отвечая на вопрос «что возможно и что целесообразно», на который у русской интеллигенции не было ответа, оно давало, по мнению Засулич, ряд практических преимуществ: возможность заимствовать готовые результаты пути, пройденного «за нас и для нас» передовыми странами Запада. ¹⁸ Россия могла быстрее и менее болезненно двигаться по пути экономического и социального прогресса, минуя самобытную стадию развития или сократив ее. В 1880-е—начале 90-х годов Засулич развивала взгляды Маркса и Энгельса, рассматривая русскую революцию в тесном взаимодействии с революцией на Западе, в расчете на ее непосредственную близость.

В.И.Засулич эмигрировала в январе 1880 г. Непосредственным знакомством с теорией и практикой западных социалистических партий, отношение их представителей к борьбе русских революционеров, которому группа чернопередельцев-эмигрантов, куда входила Засулич, придавала большое значение, оказали свое влияние. Эти контакты втягивали их в орбиту западноевропейского и мирового социалистического движения, и прежде всего — в сферу влияния немецкой социал-демократии. В обращении к немецким рабочим (1882 г.) Засулич писала: «Вы были первыми, которые откликнулись на призыв русских социалистов в Западной Европе о помощи бесчисленным жертвам деспотического и бесчеловечного русского правительству». ¹⁹

Немецкая социал-демократия как самая сильная и организованная становилась своеобразным гарантом успешного развития русского революционного движения и до середины 1890-х годов являлась, по словам Засулич, «общепризнанным образцом» для русских социал-демократов, которые очень дорожили союзом с ней. ²⁰ В ней как бы подразумевалась одна из движущих сил русской революции, рассматриваемой в перспективе мировой революции. В одном из писем Энгельсу (1890 г.) Засулич сравнивала членов группы «Освобождение труда» с «лишь сторожевым отрядом на отдаленной границе» мировой социал-демократии, главной армией которого являлись немцы. ²¹ В ответ Энгельс замечал: «Без сомнения, вас считают союзниками и особыми друзьями германского движения». ²² В то же время отношения с немецкими социал-демократами были не лишены серьезных противоречий, одно из которых — в различном подходе к русской революции. Энгельс рассматривал ее с точки зрения возможных последствий для Запада, отводя ей подчиненную роль в деле освобождения западноевропейского пролетариата. Он развивал взгляды Маркса об опасности панславизма, исходящего от русского царизма и молодой русской буржуазии и представляющего угрозу для Запада в целом и «немецкого социализма» в частности. ²³ Революция означала для него распад империи, что заставило бы Россию заниматься своими внутренними проблемами, в то время как Запад сможет спокойно заняться решением рабочего вопроса. Немцев мало заботили идейная чистота первых русских марксистов и вопрос о том, каким образом в России произойдет

революция. В 1885 г. Энгельс рисовал перед Засулич перспективу победы революции «путем небольшого заговора», что не встретило сочувствия с ее стороны.²⁴ Написав возражения, Засулич не отправила их, и переписка с Энгельсом на некоторое время прервалась. Немцы не считали русских социал-демократов серьезной политической силой, ставя под сомнение возможность и целесообразность самого существования социал-демократии до свержения в России абсолютизма.²⁵ Показательна оценка Засулич Цюрихского международного конгресса в 1897 г., передающая всю драматичность положения русских социал-демократов среди западноевропейских социалистических партий. «Не читали ли Вы утопию Мориса..., — обращается она к Плеханову. — Там герой, подружившийся с людьми будущего, вдруг, войдя в залу пиршества, чувствует, что его никто не видит, что он перестал существовать для окружающих. Вот это ощущение было у меня на конгрессе... И на конгрессе, и вне конгресса старались так представить физиономию земного шара, будто России и на свете нету... Когда шум пропал, прибавляется и чувство безграничного одиночества. Иметь своими ближайшими людьми такую сплоченную семью, в которую, как Вы сами заметили, мизинца не просунешь, хуже, чем никакую. Она как-то заслоняет тебя от всего мира».²⁶

Засулич писала, что влияние социалистической Европы на русскую революцию может стать возможным только при наличии в России «возможно более сознательного» пролетариата.²⁷ Она рассматривала марксизм как последнее достижение европейской мысли, сумму научных знаний, соответствующих современному общественному и экономическому развитию, как замену религиозного мышления, основанного на вере, традиции и присущего докапиталистическому обществу. В обращении к марксизму она, как и другие члены группы «Освобождение труда», видела один из решающих факторов завершения процесса европеизации России.

На рубеже 1880—1890 годов Засулич допускала возможность мирного конституционного пути освобождения, но считала его крайне нежелательным, поскольку полученная свобода будет урезанной. В значительной мере она держалась принципа «чем хуже, тем лучше», полагая, что чем беспросветнее гнет самодержавия, тем яростнее ненависть, тем непримиримее

борьба и тем больше будет отвоевано у будущего, полнее осуществится демократия.

Члены группы «Освобождения труда» ощущали себя про-роками, спешившими донести «благую весть» Маркса (выражение Засулич) до начала буржуазной революции в России и наступления конца буржуазного мира на Западе, дабы Россия успела спастись и вместе с другими цивилизованными странами вступить в новую историческую эпоху. В противном случае ей суждено надолго остаться в «плени экономических отношений», упустив шанс, предоставленный Марксом и историей. Засулич, воспитанную на идеях братства преследуемых, пугала перспектива остаться без помощи Запада, без поддержки западноевропейских братьев по классу и по духу, другими словами — перспектива изоляции России.

В одном из писем к Засулич (апрель 1885 г.) Энгельс упомянул, что «сделанная революция» всегда не похожа на ту, которую революционеры хотят сделать.²⁸ Эти слова не прошли незамеченными для основателей русского марксизма. Они считали возможным избежать этого благодаря усвоению уроков Запада, знанию тенденций общественного развития и сознательному участию рабочих в революции.

В статьях и письмах Засулич 1890-х годов можно наблюдать формирование иного подхода к «обществу» и социал-демократии, к революции в целом, что было вызвано, с одной стороны, изменением отношения к Западу и западной, прежде всего немецкой, социал-демократии, а с другой стороны — более свободным пониманием марксизма. Долгое ожидание революции на Западе заставляло напряженнее вглядываться в саму Россию, ее внутренние силы и возможности. В поисках реального союзника внутри (а не вне) страны Засулич по существу отказывалась от конфронтационного классового мышления, ярко проявившегося только в первой ее марксистской работе, но в целом для нее неорганичного. В работах 1890-х годов явно отсутствуют упоминания о непримиримости отношений между «обществом»²⁹ и рабочими. Она выступала за союз всех антиправительственных сил, в котором «общество» и рабочие действовали бы на паритетных началах. Водораздел проходил между властью и всем, что не власть (т.е. акцент делался на формуле «кто не против нас, тот с нами»). Накануне первой русской революции Засулич подчеркивала (и была в

этом достаточно одинока среди «своих»), что исход борьбы с самодержавием будет зависеть от степени солидарности всех врагов самодержавия.

Можно сказать, что Засулич занимала особое место в русском освободительном движении. Сама она называла себя «нелегальным либералом» или революционером с «либеральной душой», упоминая, что ее часто обвиняли в «переодетом либерализме», некоем «изломе».³⁰

Если первая статья Засулич — предисловие к переводу сочинения Ф.Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» — была написана с пафосом неопита, то уже в работах начала 1890-х годов она уходит от буквального повторения положений марксизма. Помимо присущей Засулич органической неспособности идти по проторенным дорогам (отмеченной С.М.Кравчинским), несколько ироничного, скептического склада ума, изменились и ее взгляды, благодаря интенсивному изучению философии (Канта, Гегеля, Фихте, французских просветителей), истории, политики, экономики и т.д., наконец — изучению, углубленному работой над переводом, произведений Маркса и Энгельса.³¹

Во второй половине 1890-х годов Засулич окончательно отказалась от идеи «саморазлагающегося» капитализма, как бы автоматического шествия его к социализму, помимо социалистического сознания рабочих, — идеи, которой, по собственному признанию, «никогда не любила», т.е. по существу — от главного положения о неизбежности торжества социализма и пришла к заключению, что «капитализм неизбежно лишь разрушает старые (натуральнохозяйственные) мысли и чувства, а складывается на их месте самое разное».³² Увеличивая значение «психического», Засулич признавала его зависимым от «экономического» «лишь в очень широких чертах», ибо «неопределенно и расплывчато» начинала чувствовать, что капитализм и пролетариат уже не такие, какими были во времена Маркса, они «прилаживаются друг к другу».³³ Это был явно осознанный шаг в сторону введения «элементов идеализма» в социализм. Она пришла к этому выводу под влиянием пребывания в Англии. Наблюдая там социалистическое движение, она не заметила у рабочих «психологической возможности захватывать власть», несмотря на существующие экономические (наличие крупного производства) и политические

предпосылки.³⁴ Германский пролетариат, несмотря на то что Германия в экономическом отношении уступала Англии, представлял, по мнению Засулич, гораздо большую силу в политической жизни своей страны, чем английский «оппортунизм».³⁵

Отношение Засулич к полемике Плеханова с Бернштейном было неоднозначным. В 1898 г. она писала Плеханову: «На «самой экономической» почве Вы, от Бернштейна, Вебба и проч. до некоторой степени, может, и отмахнетесь от тех или других цифр, но настоящего, большого серьеза это, по-моему, иметь не будет (а все отлично будет, коли отмахнетесь хоть на время)».³⁶ По ее мнению, русский экономизм и бернштейнианство являлись буржуазным духовным течением, т.е. борьбой за собственные индивидуальные интересы, а не во имя грядущих поколений. Она отрицательно отнеслась к перспективе превращения социал-демократии в обычную парламентскую партию. Впоследствии, в период первой мировой войны, Засулич окончательно признала, что во многих своих наблюдениях Бернштейн оказался прав, хотя, как и раньше, ненавидела «его пожелания и советы».³⁷

Ввиду появления во второй половине 1890-х годов «критиков» К.Маркса на Западе и в России Засулич признала, что рабочий может и не быть социал-демократом, он имеет лишь задатки, делающие его «способным стать гробовщиком капитализма и создателем нового, социалистического строя»; социалистическое мировоззрение не самозарождается в нем, а вырабатывается исключительно при посредстве «бациллы», внесенной интеллигенцией.³⁸

Засулич считала, что к концу 1890-х годов с народниками было покончено, но теперь опасность представляют «не они, а свои».³⁹ Признавая, что многое делается не так, как надо, она делала скидку на болезнь роста. По ее мнению, во время борьбы с народниками марксисты перегнули палку. Критическая, и часто отрицательная, сторона их выступлений в легальной печати способствовала формированию в высшей степени «кущего» понимания марксизма, этот период оставил массу «длящихся искажений и недоразумений».⁴⁰ «Интеллигентной личности, обязанной “повернуть назад колесо истории” и тащить его по собственному пути, — писала она в 1902 г., — справедливо противопоставлялся стихийный экономический

процесс развития капитализма и разложение общины, перед которым «личность» совершенно бессильна. Свой же революционный путь к будущему лишь подразумевался или отмечался одними намеками». ⁴¹ Признаки этих недоразумений Засулич почувствовала еще в середине 90-х годов. Она писала Плеханову о своих сомнениях и мучениях по поводу эпидемии «самоэкономической психологии, фарширующей русские головы». ⁴² На протяжении 1890-х годов Засулич познакомилась со многими социал-демократами и критиковала их за схематизм, прямолинейность, догматизм, стремление устроить из марксизма «аккуратнейший скелетик без тени мускулов, нервов и даже кожи», слишком высокую оценку уровня развития капитализма в России. ⁴³ На этом фоне «неизмеримо шире, понятливее их всех» она считала тогда П.Б.Струве. «Но не ему дирижировать оркестром... самому ему не справиться с прущим со всех сторон скелетом, они его сомнут», — замечала она в письме к Плеханову, которому и отводила роль дирижера, полагая, что у него «и кости, и мускулы с нервами на месте». ⁴⁴

К «скелетам» она относилась и В.И.Ленина, с взглядами которого, по-видимому, впервые познакомилась весной 1896 г., прочитав статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге П.Б.Струве». Статья не понравилась ей «неимоверной болтливостью»; не дочитав, Засулич решила, что статья «дурацкая». ⁴⁵ По настоянию Плеханова она все же прочла ее. «Ей же Богу, — писала она Плеханову, — он твердо знает, “как марксист должен говорить”. Все, что он “должен говорить”, уже готово. Маркс сказал уже. Россию он просто подгоняет под слова Маркса, для этого она у него уже совсем капиталистическая, а народники, что бы они ни говорили, все это только потому, что в их головах отражаются интересы мелкого капиталиста. Он это не показывает, а просто твердит, но называет “вскрытием”». ⁴⁶ Впоследствии Засулич не раз критиковала Ленина, который был, по ее мнению, самым ярким, последовательным, талантливым выразителем «специфически русской версии марксизма». ⁴⁷ «Проект глуп, туп, но ведь не отступает ни от одной буквы ортодоксии», — писала она Плеханову (1902 г.) по поводу ленинского проекта программы РСДРП. ⁴⁸ Ту же ортодоксию, по ее мнению, можно было понимать «бесконечно шире, от нее не отступая». «Фрей (Ленин. — Т.Б.) понимает узко до чертиков, это меня бесит

до чертиков», — замечала она в одном из писем. ⁴⁹ По словам П.Аксельрода, Ленин и Засулич были «антиподами» в редакции «Искры». ⁵⁰

На рубеже столетий Засулич пророчески замечала, что «огромный неистребимый след», оставленный русским марксизмом, скажется на всей дальнейшей судьбе России, а через нее — всего мира, и высказывала предположение, что социал-демократическое движение в России «может развернуться шире и ярче, чем где бы то ни было, именно потому, что мы — последние пришельцы буржуазно-капиталистического мира». ⁵¹

Характерной особенностью русского марксизма 90-х годов она считала существование его главным образом в «своей интеллигентской форме», как «интеллигентная сила». ⁵² Засулич с оптимизмом смотрела на это обстоятельство, полагая, что присутствие в рядах партии пролетариата сотен людей, с «детства привыкших к умственной работе», обеспечит широкий размах деятельности партии при политической свободе, будет способствовать более быстрому умственному развитию рабочего класса и пр. ⁵³ Более того, вслед за К.Каутским она выражала надежду, что «революционное социалистическое движение в России поднимет дух немецкого движения, заставит его покончить с тем затишьем, которое позволяет прокрадываться в его среду “трезвенному политиканству” оппортунизма», столь ненавистного Засулич. ⁵⁴ Акценты сместились, и теперь русская социал-демократия выступала «образцом» для немецкой. Однако постепенно оптимизм в отношении социал-демократической интеллигенции исчезает.

Для Засулич европейский путь — это не только итог, приобщение к европейской культуре, в том числе политической, это иной тип взаимоотношений — равенства и партнерства, а не господина и раба; иной тип поведения — гражданина, а не подданного. Это нельзя навязать, а можно только взрастить. Засулич критиковала террор, приучающий общество к пассивности, разделяющий его на «героев» и «толпу», что являлось «следствием чувств, унаследованных от самодержавия»: инициатива наверху, а снизу раздастся только «ура». ⁵⁵ Но форсируя усвоение готовых результатов, отводя исключительно интеллигенции роль носительницы передовой научной теории, подчиняя тем самым рабочих интеллигенции, Засулич объективно

способствовала становлению двух уровней в зарождающейся русской социал-демократии: ее делению на активное меньшинство и пассивное (воспринимающее) большинство, пастырей и паству, возникновению в ней черной и белой кости. Как писала в 1906 г. Е.Д.Кускова: «Костюм был сшит раньше, чем нашелся субъект, которому он пришелся впору».⁵⁶ В этом ненормальном, с ее точки зрения, характере зарождения русской социал-демократии лежит объяснение ее дальнейшей трагической судьбы, так и не приведшей ее к слиянию с рабочим движением. В социал-демократии шло по существу воссоздание отношений, лежащих в основе существующего режима, — господина и раба (подданного).

Сама Засулич уже в 1904 г. яростно критиковала Ленина как проводника системы самодержавно-бюрократического построения партии и управления ею. Партия для Ленина, по словам Засулич, «это его “план”, его воля, руководящая осуществлением этого плана. Это идея Людовика XIV... — партия это я, Ленин».⁵⁷

Впоследствии (1913 г.) Засулич признавала, что на II съезде РСДРП была создана подпольная организация с иерархическим уставом и сильными тенденциями бюрократического централизма, объединяющая кружки интеллигентов для пропаганды среди рабочих. Деятельность этой организации создала лишь предпосылки для возникновения настоящей социал-демократической партии, состоящей из рабочих, а не только для рабочих. Создание такой рабочей партии она полагала возможным только после свершения политической революции, через легальную деятельность: организацию различных курсов, лекций, клубов и пр., где будут учиться «самостоятельному поведению своих общественных сил живые силы рабочего класса».⁵⁸

Эмиграция — мир особый. Это в значительной мере отчуждение от окружающей среды, а для членов группы «Освобождение труда», и особенно Засулич, — двойная, тройная стена отчуждения от мира. Во-первых, отрыв от русской действительности, отсутствие обратных связей; во-вторых (по ряду причин) — от русской эмигрантской среды. В разгар борьбы с «экономистами», в конце 1890-х годов, Засулич писала Плеханову, что они изолированы от всей заграницы, как никогда прежде: «Вы ошибаетесь, когда думаете, что против

нас только 2 дурака, которых надо высечь. Против нас почти вся молодая эмиграция... Они полны энергии, чувствуют за собой Россию... собирают силы по всей Европе».⁵⁹ Засулич была оторвана и от западноевропейской жизни в силу положения политической эмигрантки и особенностей своего характера. «У меня мысль о Швейцарии связана с мыслью о полном отсутствии жизни, а понятие о жизни — с совсем иной страной (Россией. — Т.Б.)», — писала она Дейчу в 1888 г.⁶⁰ «Живу как во сне, жить как во сне самое для меня приятное положение, — замечала она в другом письме. — Это значит не вспоминать о себе, да и ни о ком другом, а думать о каких-нибудь теориях или, скромнее говоря, фантазировать о полутеориях; делаешь очень мало, но дни летят как на почтовых. Ненавижу, когда будят меня».⁶¹ Позднее она вспоминала, что некоторые свои работы писала, по месяцам никого не видя и не разговаривая ни с кем. Например, в Морнэ, работая над книгой о Вольтере, в Лондоне — о Руссо.

Трудно переоценить степень влияния, оказанного на Засулич пребыванием на Западе, где был другой уровень и тип культуры, в том числе и политической, другой уровень социалистического движения, другой социально-психологический тип личности, наконец, другой быт (правда, для Засулич последнее было сведено до минимума). Будучи представительницей поколения семидесятников, она очень дорожила правами личности и, несомненно, живя в Европе, еще больше осознала и прочувствовала ценность демократии.

Вместе с тем, живя в эмиграции, она привыкла смотреть на русское революционное движение не изнутри, а со стороны и сверху — с высоты пройденного западной социал-демократией пути. За образец бралась идеология Маркса и Энгельса 40—50-х годов. Проявляя огромный интерес к известиям из России, Засулич в то же время испытывала нескрываемое отвращение к редактированию социал-демократической литературы, присылаемой из России. Сама она, по собственному признанию, к написанию «рабочей литературы» как-то «не приспособилась».⁶² В этом, вероятно, проявлялся не только склад ее ума, характера, скорее — угнетающее чувство от вольного или невольного сопоставления уровней развития западного и российского социал-демократического движения. В конфликтах 90-х годов — с «экономистами», с «легальными марксистами»,

«практиками» и др. — сталкивались не только различные подходы к марксизму, различные поколения социал-демократов, сталкивались и представления о том, каким должно быть социал-демократическое движение с его реалиями. Засулич пыталась по возможности смягчить непримиримость позиций Плеханова и Аксельрода, особенно диктаторство первого.⁶³

Первой российской революцией и возвращением в Россию в ноябре 1905 г. закончился большой период жизни В.И. Засулич, «жизни как во сне».⁶⁴ Вернувшись после 25-летней эмиграции, она увидела реальную Россию, увидела реальную революцию, увидела обывателя, вышедшего на улицы. Для фантазирования и мечты в том виде, в каком она долго вынашивалась ею в годы юности и эмиграции, уже не оставалось места. Засулич увидела результаты пропаганды, которая велась ими, эмигрантами, и постепенно приходила к трагическим выводам.

Прежде всего она признала, что перед нею была далеко не европейская страна, в которой, то забегая вперед (реформы 1860-х годов), то откатываясь назад (контрреформы 1880-х годов), «совершался гигантский, единственный в мире опыт», где одновременно и параллельно шло развитие капиталистического производства и «оживлялся», умножая свои проявления, безграничный абсолютизм и царил произвол чиновников, невиданный ни в Западной Европе, ни в монархиях азиатского типа.⁶⁵ Эти мысли она высказала в единственной вышедшей в годы революции статье «Через 16 лет» (1906 г.). Засулич словно полемизировала сама с собой, с теми положениями, которые содержались в рецензии на статью С.М. Степняка-Кравчинского «Терроризм в России и в Европе» (1890 г.) и в статье «Революционеры из буржуазной среды», более известной русскому читателю.

Засулич вынуждена была признать, что революция совершается не так, как ей хотелось, что история «насмеялась» над ее идеализированными представлениями о «размерах будущей русской революции и тех препятствиях, которые она встретит».⁶⁶ Такого противостояния народа и правительства не знала, по ее мнению, ни одна европейская революция. Она объясняла это политикой правительства, которое, с одной стороны, активно насаждало современные формы хозяйства, а с другой — замораживало Россию с «ее духовного конца», оставляя

неизменной структуру власти и военно-полицейский режим, в центре которого находилась политическая полиция, подчинившая себе всю духовную сферу общества — образование, право, религию. Стремясь всеми силами сохранить старый психический склад крестьянина, власть препятствовала проникновению в его среду новых идей и знаний, тем самым обрекая его на голод и отчаяние. «Заставляя ребенка переходить к твердой пище, ему систематически выдергивали прорезывавшиеся зубы», — писала Засулич.⁶⁷ Это привело к «дикому», неслышанному нигде в Европе взрыву крестьянского движения. Засулич признала, что недооценивала революционную силу крестьянства.

Она усомнилась также в самой возможности плодотворного заимствования опыта Запада полуазиатской Россией. Оценивая успех эсеров на выборах в феврале 1907 г., она писала: «Я не убеждена, что все это происходит “по Марксу”, а не против него. Что “по Марксу” невозможно в страну, терзающуюся в борьбе с азиатским деспотизмом, перенести массовую психологию стран, где рабочие борются потихоньку со всеми классами. То есть оказалось возможным на время, но с ущербом для борьбы и с опасностью крушения с[оциал]-д[емократии]. Мне не легче от того, что все это я давно знаю. Мучает, что знала и не сумела передать своего знания другим».⁶⁸

Эти сомнения, которые она высказывала только в письмах к своим друзьям, сознание своего бессилия и невозможности что-либо исправить, являлись одной из причин ее долгого молчания в печати (с 1906 г. по апрель 1913 г.). Попытка написать статью (1907 г.) о развитии идей марксизма в России окончилась неудачей. От волнения начинались сильные перебои сердца. Засулич смогла написать всего несколько страниц. Статья начиналась словами: «Судьба учения Маркса в России резко отличается от его судьбы во всех других странах».⁶⁹ Главную особенность этого она видела в том, что в России марксизм широко развился в среде прежде всего интеллигенции, а на Западе — преимущественно среди самого пролетариата. Кроме того, на Западе идеи Маркса получили развитие и стали идеологией пролетариата после свершения буржуазно-демократических революций, в России — накануне нарастающего «девятого вала». В результате марксизм, который должен был, по мнению Засулич, помирить в России либералов и

революционеров на тот короткий исторический отрезок времени, пока длится борьба между старым (азиатским) и новым (европейским) строем, не сделал этого и еще более углубил пропасть между революционерами и либералами, прочно закрепив наметившееся еще в теории народников враждебное отношение к конституции.

Одно из главных и печальных ее наблюдений состояло в том, что русская социал-демократия, какую она сложилась («а может быть, и всякая при политической революции», — замечала Засулич), является помехой на пути политического освобождения страны, ввиду нежелания допустить на время переход власти к буржуазии; тем самым русское освободительное движение перескочило через необходимый фазис — «единства всего борющегося».⁷⁰

Понимая определенную заданность этого пути, Засулич не видела выхода в рамках установок российской социал-демократии. В своих рассуждениях она по-прежнему опиралась на сходство ситуации в России и Германии 50-х годов. Засулич советовала «своим» меньшевикам, большинство которых вновь оказалось в эмиграции, прежде всего засесть за учебу и вспоминала слова Маркса и Энгельса, обращенные к молодым революционерам «*legner, viel legner*».⁷¹ Она высказывала опасение, что в противном случае, когда начнется новый подъем, «ее (социал-демократии. — Т.Б.) песен не будут слушать», и сомневалась, удастся ли социал-демократам сохранить «сколь-ко-нибудь солидное, влиятельное ядро среди рабочих».⁷²

Засулич не соглашалась с Ф.Даном и другими меньшевиками, видевшими в увлечениях мистикой, вопросами пола и т.п. конец интеллигенции, ее окончательное «обуржуазивание». Она не могла представить, что интеллигенция может исчезнуть, всосаться в буржуазию раньше, чем в России изменится режим, и ожидала, что со временем, когда начнется новый подъем, интеллигенция уйдет от подобных настроений, «но не назад, к нам..., а так, кто куда, или никуда».⁷³

Оценивая перспективы «второго буржуазного подъема», Засулич предсказывала годы, десятилетия, либо просто «N-е количество лет гниения».⁷⁴ Однако рассуждения некоторых «верных марксистов» о том, что история России идет по прусскому образцу и второй буржуазной революции в России не будет, ввиду насаждаемого Столыпиным частновладельчес-

кого крестьянства и буржуазии, представленной в Думе, хватало ее «холодом за душу».⁷⁵ «Прусский образец, это думаю, пустяки. Пруссию так не истерзывали никогда, — писала она. — Если бы можно было издать такой закон, чтобы каждый осмеливающийся развивать русскую историю по образцу того или иного государства подробно ознакомился с историей этого государства хоть бы за 100 ближайших лет, то-то бы хорошо!».⁷⁶ Возмущали доктринерство во имя марксизма и «то высшее “научное” примирение с действительностью, с которым это говорится». В объявлении меньшевистской газеты «Голос социал-демократа» ее перепугала фраза автора о том, что «он дает “научное объяснение” поражению». «Кто сознательно написал эту фразу, тот учиться не может», — писала Засулич весной 1908 г. Мартову.⁷⁷ Она не знала, что автор объявления — Ф.Дан, с которым она много и оживленно полемизировала в письмах, обвиняя в накоплении «душевного жира» и ниспровержении марксистского метода. Главные пункты полемики — оценки роли буржуазии, перспективы нового общественного подъема, задачи социал-демократии.⁷⁸ Засулич полагала, что при новом подъеме буржуазия опять попадет «в тыл» рабочим. Дан не соглашался с этим, по крайней мере для начальной фазы движения. «Но пусть будет по-Вашему, — замечал он. — ... А в конце концов Вы хотите “голого человека” — социал-демократа, который бы “не знал”. Человека такого нет, и прошлое тяготеет над всеми».⁷⁹ «Ваши замечания относительно разницы между веком нынешним и веком минувшим, конечно, вполне правильны, — писал он Засулич в феврале 1908 г. — Суть главная в том, что “нового слова” от нас в ближайшем будущем ждать нечего».⁸⁰

Неизбежность «второго буржуазного подъема» Засулич выводила главным образом «только из психологии», как ответ на «ярость реакции», не связывала напрямую экономическое и общественное развитие России.⁸¹ Один из корреспондентов Засулич (И.Блюменфельд, работавший в 1890-е годы в типографии группы «Освобождение труда») замечал по поводу ее уверенности: «Это одна сторона. Но вот Вы человек умный и менее всего фаталистка, а исходите из идеи о неизбежности перемен. Почему?». Блюменфельд объяснял это убежденностью Засулич в том, что Россия неизбежно пойдет (или идет) по пути Европы.⁸²

Осенью 1913 г. Засулич отмечала, что Россия вновь становится страной, где «все возможно».⁸³ Она указывала на значительный («просто удивительно») прогресс в развитии рабочих, среди которых за годы реакции образовался «широкий слой несомненно интеллигентный». «Ну право же, — замечала она в письме, — они интеллигентнее средних интеллигентов, работавших в партии перед революцией. Мне даже кажется, что их ум подвижнее, чем у немецких рабочих. Хороший народ и готовы на жертвы».⁸⁴ (Последнее имело для нее решающее значение). По ее мнению, даже в Европе было меньше рабочих «с таким огромным интересом ко всему на свете», каких она много знала в Питере.⁸⁵ Засулич считала, что русским рабочим, в силу их многочисленности и бедности, придется нести еще более тяжелый крест в деле освобождения, чем интеллигенции. Она отмечала также, что и русские студенты «неизмеримо лучше западных», объясняя это жизнью в постоянном напряжении и борьбе.⁸⁶

Из всего этого Засулич приходила к парадоксальному на первый взгляд выводу: политической свободы сколько-нибудь прочной в России никогда не будет, поскольку теперь, когда русские рабочие «проснулись», социалисты намерены не поддерживать чисто политическую демократию, «а мешать ей (психически)».⁸⁷ Когда начался новый общественный подъем, Засулич констатировала, что рабочие, распропагандированные социал-демократами, вставали «вызверенными против всего, что не рабочий и крестьянин», а мелкий полуграмотный городской люд привык думать, что «ничего хуже кадет на свете нет».⁸⁸ По ее мнению, «при врагах слева» сильное общественное движение было невозможно.⁸⁹ «В первые годы после революции меня страшно мучило, что именно с[оциал]-д[емократы] мешают и помешают установлению свободы, а теперь я начинаю с этим мириться и полегчало на душе», — писала она летом 1913 г.⁹⁰

С началом первой мировой войны Засулич заняла место на «крайне правом» фланге меньшевиков-оборонцев. В отличие от Плеханова она довольно спокойно отнеслась к поведению немецкой социал-демократии, которое не удивило и не огорчило ее, поскольку давно не ждала от немцев «ничего большого». По мнению Засулич, они давно утратили «тень малейшей революционности», без чего, несмотря на всю свою

многочисленность, «низший класс» абсолютно лишился влияния на общественную жизнь.⁹¹ Она констатировала, что за К.Либкнехтом лишь незначительное меньшинство, большинство же принадлежит «ревизионистам», для которых вполне подходит сравнение с трестом для эксплуатации других народов.⁹²

Крах германской социал-демократии, ее влияния на социалистов других стран, которое, несмотря ни на что, Засулич признавала до войны решающим, вновь поставил перед ней вопрос о будущем социализма. Она полагала, что после войны произойдет раскол Интернационала и образуется новый, сравнительно небольшой. «Меня в настоящий момент Запад интересует гораздо больше, чем Россия», — замечала она в декабре 1914 г., ожидая, что там произойдут огромные сдвиги.⁹³ На последующее будущее Западной Европы Засулич смотрела без большой печали, считая, что Германии в случае ее разгрома станет лучше, прежде всего ее «демосу». Но если германский милитаризм будет раздавлен, место его в качестве «преобладающей военной силы» займет, по ее мнению, Россия, будущее которой было для нее «темно».⁹⁴

За время войны Засулич опубликовала 2 статьи: «О войне» и «После войны». Обе появились в 1916 г. В них она признала «совершенно невероятным» самый факт такого исключительного преобладания среди русских рабочих интернационализма после того, что произошло на Западе, где Интернационал играл гораздо большую роль в жизни рабочих и где тем не менее рабочие партии приняли самое энергичное участие в организации отпора Германии. Засулич объясняла это не развитым чувством интернационализма русских рабочих, а недоразвитым чувством отечества, обусловленным исключительностью национального строя.

Война, сделавшая возможным самоистребление человечества, была несовместима, по мнению Засулич, с международным движением к демократии. Худшее наследие этой войны она видела в освобождении от всех стеснений и «рыцарских предрассудков». Поэтому единственной силой, которая помогла бы «помириться без остатка», восстановить разорванные войной связи и гарантировать демократию от новых кризисов, а человечество от самоистребления, может и должна стать «работа над всеобщим разоружением». Засулич считала, что эта

«сравнительно простая задача могла бы облегчить несравненно сложнейшие задачи максимального усовершенствования, если бы их время действительно настало».⁹⁵ Для успешной реализации этой задачи она подчеркивала необходимость «самого искреннего союза с демократией в самом широком смысле этого слова» и выражала надежду, что в русской социал-демократии появились силы, способные на такой союз.⁹⁶ «Вообще статья Ваша наделала шума: о ней говорят, и в общем, ее одобряют», — писал ей в октябре 1916 г. В. Цедербаум, один из редакторов журнала «Дело», в котором была опубликована статья.⁹⁷

Война обострила не только тактические разногласия в русской социал-демократии. Она выявила гораздо более глубокие мировоззренческие пласты. Рассуждения Г.В.Плеханова о необходимости подчинить классовую борьбу нравственному закону, сформулированному Кантом, вызвали весьма показательную полемику в социал-демократическом лагере. В архиве Засулич сохранилась тетрадь, на первой странице которой написано: «Простые законы нравственности и права» (слова из Учредительного Манифеста международного общества рабочих, которые Плеханов напомнил в одной из своих статей о войне). Из содержания тетради видно, что Засулич собиралась принять участие в полемике на стороне Плеханова и готовила критический разбор статьи Мартова «Кант с Гинденбургом, Маркс с Кантом». По поводу слов Мартова о том, что «Маркс сурово относился к попыткам обосновать борьбу за прогресс и за интересы демократии неподвижными, раз навсегда данными законами нравственности и права, долженствующими лечь в основу общественной жизни», Засулич заметила: «А Плеханов открыл, что нуждается в обосновании, и оно дано Кантом».⁹⁸

Есть глубокий смысл в том, что и в конце жизни Засулич называла себя просто «радикалом», находя существенную разницу между радикалами 70-х годов и революционерами последующих поколений, которых она считала более искушенными в политике, в какой-то мере даже политиканами, в то время как «радикалы» казались ей сродни Дон-Кихоту. Она говорила о «служении», «героическом подвижничестве» первых и о «службе», «холодном практицизме» вторых.⁹⁹ В более широком и свободном прочтении Маркса, понимании социа-

лизма как духовного движения, в отношении к обществу, к личности она сближалась с легальными марксистами. Догматика марксизма, как и любой вид догматизма, была чужда ей. Довольно скоро Засулич начала отвергать ее, поэтому вполне оправдан вопрос о ее «немарксизме».

«В.И.Засулич, самая чуткая и умная из всех женщин, каких мне приходилось встречать...», — писал о ней П.Б.Струве.¹⁰⁰ Ее взгляды менялись, но в ее мировоззрении было несколько доминант, сложившихся в разные периоды жизни и по-разному проявлявшихся. Прежде чем обратиться к марксизму, Засулич была революционеркой, и прежде чем стать революционеркой, была христианкой. Эти три уровня (трудносоставимые по значимости) отложились в сознании, мироощущении. И на всех трех происходило столкновение мечты и реальности.

Политическое сознание, или, как говорила сама Засулич, «политическая часть моей души» — лишь видимая часть айсберга. Вероятно, мы никогда не узнаем, насколько осознанным было ее стремление соединить служение Христу, идеалы социальной революции, воспринятые в 60 — 70-е годы, и идеи Маркса об освободительной миссии рабочего класса. Учитывая признание Засулич, сделанное в 1909 г., и некоторые высказывания («благая весть» Маркса в статье 1916 г. и др.), существования в ее сознании такого параллелизма на протяжении всей жизни игнорировать нельзя.

Источником многих противоречий ее мировоззрения являлся революционаризм или радикализм. Умом соглашаясь с Бернштейном, она всей душой ненавидела его выводы. Реформизм не отвечал ее духовным запросам, не давал достаточно пищи ее психической, эмоциональной жизни, ощущению «праздника», причастности к «общему делу», ее стремлению к «терновому венцу».

И наконец, одной из прочных установок являлось признание однотипности развития России и Запада, что было связано с обращением к марксизму, надеждами на мировую революцию, ориентацией на помощь Запада. Наметившаяся тенденция в ее взглядах — ослабление значения Запада и все большее разделение судеб России и Запада — не вселяла в Засулич оптимизма.

Ее работы, переписка, воспоминания о ней позволяют сделать достаточно обоснованное предположение, что «усилия

русских людей найти самостоятельные пути для развития своей родины» в конце жизни не встречали у нее такого скептицизма, иронии и прямого отвержения, как в годы эмиграции.¹⁰¹ В 1890 г. Засулич писала, что «теории самобытного развития» слишком долго «господствовали над умами русской интеллигенции» и «проникли во все изгибы ее умственного склада».¹⁰² За «переодетым либерализмом», «немарксизмом», «неким изломом» Засулич, в сущности, проглядывают ее стихийные порывы к поиску «своего», «самостоятельного» пути для России, порывы, правда, сильно сдерживаемые, в какой-то степени заблокированные.

Взаимное наложение и отторжение идей русского «утопического» социализма и западноевропейского «научного», идей разнонаправленных и нравственно противоположно ориентированных, отражающих различные общественные, культурные, религиозные традиции и различные типы личности, во многом определяли строй мыслей, подход Засулич к политическим проблемам.

Нарастающий «девятый вал» освободительного движения, совпавший с распространением марксизма в виде «специфически русской версии», смыл Россию, которую она «знала и любила». Засулич с ужасом приходила к мысли, что идеи, которые она проповедовала, на практике вылились в совсем не то, о чем она мечтала. Одинаково проклинала она и большевиков, и «своих» меньшевиков, расценивая приход к власти первых как контрреволюционный переворот, а все последующее — как катастрофу в развитии России, поворот вспять процесса демократизации (европеизации) страны. Именно «упрочение» сильного и свободного демократического государства «по типу современных буржуазных демократий» было, по ее мнению, совершенно неприемлемым для Ленина, которого она сравнивала с Иродом и ненавидела больше Вильгельма II.¹⁰³ «Европейский путь» политического освобождения зашел в тупик. Засулич называла большевиков «новыми самодержцами», борьба с которыми, по ее мнению, свята и обязательна, чтобы доказать, что «кроме деспотов и рабов, в России есть граждане».¹⁰⁴ Засулич указывала, что рабочая интеллигенция стоит в рядах борцов против новой власти, и выражала надежду, что к ним примкнут постепенно все наиболее сознательные рабочие.

Мир перевернулся, но не преобразился. Круг замкнулся. Засулич снова призвала к борьбе и самопожертвованию.

В марте 1919 г. в последней (незаконченной и неопубликованной) статье, ставшей как бы ее духовным завещанием, она писала, обращаясь к большевикам: «В своих изданиях вы доказываете время от времени, что вашему царствию не будет конца; я думаю, наоборот, что оно будет недолговечно — не скажу: “к счастью”, так как докончить все то непоправимое зло, которое вы делаете родной стране, вы еще успеете... Но сколько бы ни длился ваш век, я “предсказываю” вам...».¹⁰⁵ На этом оборвалась статья, а через два месяца — и жизнь Веры Засулич.

Примечания

1. Из переписки В.И.Засулич / Публ. и комм. Т.А.Богдановой // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина: История России XIX-XX веков. Л., 1991. С. 62.
2. Там же. С. 73, 79.
3. Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1928. Сб. 6. С. 198—199.
4. См.: Курбатова И.Н. Архив В.И. Засулич в Доме Плеханова // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 154.
5. Засулич В.И. Избранные произведения. М., 1983. С. 354.
6. Там же. С. 354, 353.
7. Там же. С. 354.
8. Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931. С. 11.
9. Там же. С. 14—16.
10. Весной 1889 г. у Засулич открылся процесс в легких. «Я вовсе не стремлюсь умирать, — писала она Кравчинскому, — да и процесс, очевидно, не из быстрых, но он, то есть представление о нем, действует на меня как страховка: во-первых, от слишком долгой жизни, а во-вторых, от всяких сильных огорчений» (см.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда»: 1883—1903. М., 1984. С. 147).
11. ОР РНБ. Архив Дома Плеханова (далее АДП). Ф. 1097. Ед. хр. 779. Л. 15.
12. Засулич В.И. Статьи о русской литературе. М., 1960. С. 222. В статье В.И.Засулич «Д.И.Писарев» было, несомненно, много автобиографического материала.
13. Там же. С. 106.
14. Засулич В.И. Избранные произведения. С. 34.

15. Там же. С. 446.
16. Там же. С. 444, 439.
17. Там же. С. 468.
18. Там же. С. 36.
19. *Николаевский Б.И.* Из литературного наследия В.И.Засулич // Каторга и ссылка. 1929. № 6(55). С. 35.
20. *Засулич В.И.* Избранные произведения. С. 366.
21. К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 564.
22. Там же. С. 565—566.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 22. С. 13, 261; Т. 35. С. 229, 230. Энгельс развивал эти взгляды в статьях «Внешняя политика царизма», «Социализм в Германии» и др.
24. К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. С. 514.
25. См.: *Аксельрод П.Б.* Группа «Освобождение труда» // Летопись марксизма. М.; Л., 1928. Кн. VI. С. 89, 90, 92; Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 149, 230—231.
26. Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 84.
27. Первая марксистская организация... С. 61.
28. К. Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. С. 514.
29. «Либераль», «общество», «буржуазия» — для Засулич понятия-синонимы. Чаще всего она употребляла слово «общество».
30. АДП. Ф. 1093. Ч. 1. Ед.хр. 436 (В. 487.5А); Ед.хр. 437 (В. 487. 113); Ед.хр. 438 (В. 487.120).
31. В переводе Засулич вышли 12 работ Маркса и Энгельса (некоторые в отрывках). См.: *Курбатова И.Н.* Начало распространения марксизма в России: Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». Л., 1983. С. 260-267; *Марковская Л.М.* Проблемы социального прогресса России в переписке К.Маркса и Ф. Энгельса с В.И.Засулич // Философия и научный коммунизм. Минск, 1979. Вып. 6. С. 153—161.
32. Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926. Сб. 4. С. 287, 297; Сб. 6. С. 196.
33. Из переписки В.И.Засулич. С. 70; Группа «Освобождения труда». Сб. 6. С. 196.
34. Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 287.
35. Впоследствии, после возвращения Засулич в Россию, ее взгляды на английское социалистическое движение принципиально изменились в сторону его признания.
36. Там же. Сб. 6. С. 196. По-видимому, Засулич также собиралась принять участие в полемике с Бернштейном. См. отрывок ее статьи «Бернштейн и материалистическое понимание истории» в кн.: Первая марксистская организация... С. 61.
37. Из переписки В.И.Засулич. С. 70.
38. *Засулич В.И.* Избранные произведения. С. 445, 458.
39. Группа «Освобождение труда. Сб. 6. С. 197.
40. *Засулич В.И.* Избранные произведения. С. 468, 469.
41. Там же. С. 468.
42. Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 197.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же. М.; Л., 1926. Сб. 5. С. 175.
46. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439 (В. 487. 138). Это письмо опубликовано, см.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 176. Но вместо псевдонима «Тулин», ясно читаемого в рукописи, стоит «Крепыш».
47. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439 (В. 487. 120).
48. Там же. Ед. хр. 440 (В. 487.189).
49. Там же.
50. Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 54.
51. Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 258.; *Засулич В.И.* Избранные произведения. С. 462.
52. Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 258.
53. *Засулич В.И.* Избранные произведения. С. 463, 464.
54. Там же. С. 464.
55. *Засулич В.И.* Сборник статей. СПб., 1907. Т. 2. С. 398.
56. *Кускова Е.Д.* Рец. на кн.: *Дан Ф.* Из истории рабочего движения в России: 1900—1904 гг.// Былое. 1906. № 10. С. 322.
57. *Засулич В.И.* Организация, партия, движение: (Идея § 1 устава) // Искра. 1904. 25 июля. № 70. Характерно, что А.Н.Потресов называл меньшевизм «европеизированным антагонистом большевизму»(Социал-демократическое движение в России: Материалы. М., [1928]. Т. 1. С. 386).
58. *Засулич В.И.* По поводу одного вопроса // Живая жизнь. 1913. 19 июля.
59. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 439 (В. 487.146).
60. Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 266.
61. Там же. С. 257.
62. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 648. Л. 16 об.
63. По замечанию П.Б.Струве, «марксовская» теория Плеханова и Аксельрода, «несмотря на всю одаренность ее авторов, была продуктом эмигрантской среды, она не была связана со свежими и непосредственными впечатлениями». Он указывал, что «легальный марксизм» был порожден впечатлением от голода 1891—1892 гг. (*Струве П.Б.* За свободу и величие России / Вступ. статья, составл., публ. архивных материалов и комментарии Н.А. Струве // Новый мир. 1991. № 4. С. 216.

64. «Я теперь всей за границе со всеми ее силами, драками, администрацией и даже с литературой искренне желала бы провалиться сквозь землю, — писала Засулич летом 1905 г. — Пользы вся за граница теперь революции едва ли приносит на грош, а под ногами путается» (АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 337. Л. 6 об.).

65. Засулич В.И. Сборник статей. Т. 2. С. 56, 62.

66. Там же. С. 55.

67. Там же. С. 58.

68. Из переписки В.И.Засулич. С. 45.

69. Засулич В.И. О марксизме в России / Публ. и предисл. Т.А.Богдановой // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1990. С. 257.

70. Из переписки В.И.Засулич. С. 37; Засулич В.И. О марксизме в России. С. 258.

71. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 780. Л. 16 об.

72. Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 181; АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 780. Л. 16 об.

73. Социал-демократическое движение в России. С. 180; Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1973. Т. 1. С. 243.

74. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 15 об, 16.

75. Социал-демократическое движение в России. С. 180.

76. Там же. С. 181.

77. Там же. С. 180, 181.

78. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666.

79. Там же. Л. 17—17 об.

80. Там же. Л. 24 об.

81. Там же. Л. 15, 17; Ед. хр. 661. Л. 25.

82. Там же. Ед. хр. 661. Л. 25.

83. Социал-демократическое движение в России. С. 230.

84. Из переписки В.И.Засулич. С. 58.

85. Там же. С. 59.

86. Там же.

87. Там же.

88. Социал-демократическое движение в России. С. 223; АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 784. Л. 14—14 об.

89. Социал-демократическое движение в России. С. 223.

90. Из переписки В.И.Засулич. С. 59.

91. Там же. С. 64.

92. Там же. С. 70.

93. Там же. С. 69.

94. Там же. С. 66.

95. Засулич В.И. После войны // Дело. 1916. № 3. С. 11.

96. АДП. Ф. 1098. Ед. хр. 85.

97. Там же. Ф. 1097. Ед. хр. 729. Л. 1.

98. Там же. Ед. хр. 640. Л. 2.

99. Засулич В.И. Статьи о русской литературе. С. 65—66.

100. Струве П.Б. За свободу. С. 219.

101. К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. С. 508.

102. Засулич В.И. Статьи о русской литературе. С. 83.

103. Засулич В.И. Слова не убить // Газета-Протест. 1917. 26 нояб.

104. Там же; Из переписки В.И.Засулич. С. 79.

105. Из переписки В.И.Засулич. С. 80.

Содержание

Предисловие	3
<i>Л.Ю.Гусман</i> (Санкт-Петербург) Эволюция взглядов П.В.Долгорукова в эмиграции: 1860— 1867 гг.	6
<i>Антонелло Вентури</i> (Пиза) Русско-итальянская модель В.М.Чернова (1899—1902) .	21
<i>В.Н.Гинев</i> (Санкт-Петербург) Где находилась «лаборатория» революционной народни- ческой мысли в 70—80-е годы XIX века? К историографии вопроса	31
<i>Т.А.Богданова</i> (Санкт-Петербург) В.И.Засулич о «европейском вероятном пути политичес- кого освобождения» России: Мечты и реальность . . .	42
<i>Б.В.Ананьич, Р.Ш.Ганелин</i> (Санкт-Петербург) М.П.Драгоманов и П.Н.Милкоков о самоуправлении и федерализме	70
<i>Б.С.Каганович</i> (Москва) О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства»	90
<i>С.Г.Беляев</i> (Санкт-Петербург) Парижская агентура «Святой дружины» и русская эми- грация	104
<i>Антонелла Саломони</i> (Париж) Эмигранты-толстовцы между христианством и анархиз- мом (1898—1905 гг.)	112
<i>Даниэла Стейла</i> (Турин) В.В.Тронин и А.В.Луначарский в Цюрихе: судьбы двух русских философов-эмигрантов	128

<i>А.В.Ремнев</i> (Омск)	
Западные истоки сибирского областничества	142
<i>Алессандро Станциани</i> (Неаполь)	
Русские экономисты за границей в 1880—1914 гг.: представления о рынке и циркуляция идей	157
<i>В.Ю.Черняев</i> (Санкт-Петербург)	
Западное семя на русском поле: этический коммунизм периода революций и гражданской войны	176
<i>Б.И.Колоницкий</i> (Санкт-Петербург)	
Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914—начало 1915 г.).	197
<i>Луц Хэфнер</i> (Билефельд)	
Эмиграция, ссылка и политика: левые эсеры в Берлине и судьба И.З.Штейнберга	217
Список сокращений	240
Summary	243